

скорее за то, что он находился здесь в компании Евтушенко, чем за само стихотворение. Но разве не этого в конечном счете хотел Фрост? Он был олицетворением традиции и в то же время воплощал в себе мечты русской молодежи о будущем. Он был американцем, он был знаменит, и он был великим поэтом.

<...> В действительности Фрост был настолько далек от этой группы молодых людей как в возрастном, так и в культурном отношении, что их совместный вечер держался исключительно на общем понимании общественного и политического значения происходящего. Фросту хотелось все увидеть, Евтушенко оказал нам более чем радушный прием. Он находился в прекрасном расположении духа. В конце лета 1962 года молодые художники все еще были полны энтузиазма, они продолжали верить не только в правоту своего дела, но и в его конечное торжество. Союз с Фростом на основе общности взглядов мог придать им респектабельности, которая пригодилась бы им в ближайшем будущем, как и молодым американцам. Но Фрост и большинство молодых поэтов смотрели на вещи совершенно по-разному. Политические взгляды Фроста не были растяжимы. Впоследствии в неоконченном письме он заметил, что во время поездки “если и было что-то неприятное, то это было связано с их самым знаменитым поэтом Евтушенко, который, побывав на Кубе, взбудрил свой революционный дух дружбой с Кастро и, возможно, приедет сюда”. Евтушенко был неугомонен, очарователен, порой вдруг отрешен — почти замкнут в себе, — и двигался он с такой быстротой, что закрадывались сомнения в его реальности. Он рассуждал и о славе Кастро, и о тоске одиночества, чем смутил Фроста, который любил повторять, что поэзия имеет дело с высокими горестями, а политика — с низкими претензиями. У него вызывало недоверие то, как Евтушенко смешивал эти вещи.